

А.Ю. ДАВЫДОВ

Легальный и нелегальный рынки в России 1917 года: взаимодействие и роль в революционном процессе

В статье рассматривается проблема воздействия ряда экономических и политических факторов на революционную ситуацию 1917 г. Автор пытается выяснить, в какой мере экономические мероприятия Временного правительства способствовали расширению вовлеченности российского населения в народное хозяйство. В центре внимания – механизмы кооперации, нелегального мешочничества и солдатской коммерции. Они поглотили народную энергию и способствовали разрядке общественных настроений, оставив политиков без массовой поддержки. Тем самым стал возможен небольшевистский вариант развития революции. Однако постоянное будирование политическими партиями леворадикальных настроений общества и отсутствие противодействия со стороны властей способствовали нагнетанию недовольства населения и привели к Октябрьской революции.

Ключевые слова: Великая российская революция, кооперация, мешочничество, нелегальное снабжение, армия, солдатская коммерция, общественные настроения.

Историки пытаются выявить причины революционной катастрофы 1917 г. в России. Среди прочих называется распространение вопиющих проявлений аномии во всех сферах общественной деятельности – в военной, аграрной, промышленной, национальной и др. Одновременно авторы сосредотачиваются на изучении роковых просчетов умеренных политиков, которыми воспользовались их леворадикальные противники. В итоге катастроф выявляется так много, что у читателя возникает ощущение фатальной неизбежности прихода к власти крайних радикалов и развертывания гражданской войны. Однако еще Л. Троцкий отмечал: “Если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, они, по всей видимости, не взяли бы ее совсем” [Троцкий 1997, с. 141]. Направление развития социальных процессов зависело в равной мере от известных ключевых политических факторов и от спонтанных поступков видных деятелей, а также непредсказуемых акций организованных коллективов. Указанные факторы наложились друг на друга таким образом, что у энергичных политиков оказались развязаны руки для осуществления любых волюнтаристских решений судьбоносного характера. Об этих обстоятельствах речь пойдет ниже.

Простое перечисление многочисленных социальных антагонизмов, присущих российской действительности в 1917 г., не поможет вычлениить и осмыслить магистральные процессы. Случайность также объясняет многие, но не все ключевые события революционного года, хотя воздействие на историю случайных поступков отдельных деятелей в переломные периоды резко возрастает. Между тем творцы политического процесса чаще всего не осознавали смысла совершаемых ими акций. Поэтому судить о существе

Д а в ы д о в Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Адрес: 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20.

E-mail: davydov.au@mail.ru

революции по высказываниям ее активных участников — все равно, что оценивать смысл крестьянской войны по указам и манифестам Е. Пугачева, а подлинное содержание декабристского движения квалифицировать по вышедшим из-под пера дворянских революционеров документам. Поэтому я попытался соединить воедино разнообразные свидетельства эпохи — воспоминания, делопроизводственные документы, периодику.

Монополия хлебной заготовки и ее результаты

К социальной эволюции 1917 г. в полной мере применимо понятие “кумулятивный эффект”, означающее, что эффект от суммы усилий в одном направлении не просто больше суммы последних, но имеет иное качество. Даже в условиях высокой хаотизированности общественный порядок имел шансы возобладать над хаосом за счет включения механизмов народной самоорганизации и адаптации. В частности, в революционном году указанная “сумма усилий” нашла специфическое выражение в широком распространении нелегального рынка, который был тесно связан с легальным рынком. Оба развивались под разнонаправленным влиянием экономической политики и оказали крайне противоречивое воздействие на жизнь общества.

Победившая в ходе февральско-мартовских событий бывшая контрэлита в экономической сфере настроилась действовать революционно и одновременно по-европейски. Ее уполномоченные вдохновлялись идеалами французских революционеров, обязавших на исходе XVIII в. крестьян продавать зерно государству по низким “максимальным” ценам, а хлебопеков и торговцев — производить и продавать одинаковый для всех черный “хлеб равенства” [Вышинский 1923, с. 169].

Идея вмешательства государства в экономику стала очень популярной в период Первой мировой войны. В принципиально важной для большевиков работе В. Ленина “Империализм, как высшая стадия капитализма” (1916 г.) она определялась как “государственно-монополистический капитализм”. Образцом для Ленина и многих других отечественных деятелей была Германия, в которой государственную монополию на продовольствие ввели еще в январе 1915 г. Российская власть при этом не оказалась в стороне от процесса регулирования экономики, в частности хлебного рынка. К концу 1915 г. были предприняты попытки установить твердые цены для правительственных закупок провианта, создать общегосударственный высший регулирующий орган по продовольственному делу и даже проводить реквизиции запасов провизии у сельских хозяев. Думается, серьезных народнохозяйственных последствий эти мероприятия не имели и свелись к имитации бурной деятельности. Слабое государство с его бесчисленными организационными неурядицами, энергично вмешиваясь в многообразный хлебный рынок, только растрчивало впустую свои ограниченные силы и озлобляло население. Этатистские амбиции российской элиты в данном случае пришли в явное противоречие с реальными возможностями.

Учтем, что в Германии развитая политическая культура общества стала залогом достижения компромисса между немецкими государством, буржуазией, юнкерством и общественными организациями в ходе налаживания централизованного аппарата снабжения [Павлюченков 1996, с. 11; Смит 1918, с. 33]. Россия двигалась в направлении выработки цивилизованных политических ценностей, навыков и поведения, но по объективным причинам сильно отставала. Для нее наименьшим злом было оставить хлебный рынок в покое и дать возможность сложившимся структурам распределять имевшиеся в изобилии в России съестные припасы (в Германии они отсутствовали, и альтернативы регулятивным мерам не существовало). Отечественным верхам стоило сконцентрировать усилия на решении по-настоящему приоритетных задач. Будущее показало, что народ способен адаптироваться к любым трудностям и кормить себя даже в фантазмагорических нелегально-рыночных условиях 1918 г.; об относительно спокойных “продовольственных” временах 1915–1917 гг. и говорить нечего.

Тем не менее революционная элита февраля-марта 1917 г. убедила себя в том, что проблемой царского правительства стала недостаточная решительность в осуществлении

преобразований государственно-централизаторского характера. Ее активисты продолжили политику прежнего кабинета министров в продовольственной сфере, но действовали ригористически. Не случайно 4 марта В. Громан (меньшевик, руководитель продовольственной комиссии Петросовета и “продовольственный диктатор” Петрограда) заявил: “Положение с продовольствием поправиться не может... без немедленной хлебной монополии... Нам необходимо действовать так, как в Европе” (цит. по [Суханов 1991, с. 205]).

Уже в двадцатых числах марта Временное правительство и Советы поспешили ввести хлебную монополию, декларируя переход товарных запасов сельских производителей в ведение государства. При этом крайне ограничивалась (иногда запрещалась) деятельность частного капитала на хлебном рынке. Новой системе были присущи противоречия. Осуществлять радикальную реформу подобного рода могли лишь хорошо организованные государственные ведомства. Усиление вмешательства власти в экономику, ограничение полномочий рыночных структур непременно должны сопровождаться пропорциональным повышением эффективности работы хозяйственных департаментов, а также не могут обходиться и без активной общественной поддержки. Однако рационализации государственного управления в 1917 г. не наблюдалось. Решение о монополизации было непродуманным и принималось в состоянии “революционной эйфории”. Примечательно, что уже тогда рассматривались альтернативные варианты продовольственной политики. Так, в двадцатых числах марта фирма “Стахеев и К^о” представила министру земледелия свой проект налаживания продовольственного дела в стране. Новую организацию предлагалось создать “по образцу крупного торгового дома, имеющего повсеместно в России свои агентуры” [Волобуев 1962, с. 12]. Но Временное правительство отказалось принять этот проект как лишенный революционной направленности.

Монополия, серьезно повлиявшая на общественные процессы, проводилась поспешно. Хлебные цены определялись наскоро и не всегда учитывали потребности крестьян, нередко отбивали у них желание продавать продовольствие государству. Стали устанавливаться фиксированные цены и на промышленные товары, что по причине дезорганизованности контрольно-распределительного аппарата приводило к разбазариванию государственного товарообменного фонда. Товарищ министра продовольствия А. Титов в августе 1917 г. заявлял: “На рынок попадает лишь ворованная кожа” [РГИА, ф. 1090, оп. 1, д. 93, л. 4–5.]. Государство оказалось не в состоянии предоставить сельским производителям достаточное количество промышленных изделий.

Однако вряд ли стоит причины хлебных затруднений сводить к отсутствию материальной заинтересованности крестьян в хлебопоставках. Не меньшее значение имели и многочисленные сбои в работе сложного заготовительного механизма. Деревенским домохозяйствам нередко приходилось отвозить зерно к государственным элеваторам за десятки километров, а в ряде регионов они вынужденно сутками стояли в очередях к сыпным пунктам и кассам, к которым к тому же далеко не всегда вовремя подвозили деньги, и т.д. [Деньги... 1917, с. 7, 8].

Расцвет кооперации

Тем не менее положение дел в продовольственной сфере было далеко не катастрофическим. Хлебный экспорт России прекратился, и огромное количество зерна могло поступить на внутренний рынок. Негативные последствия хлебозаготовительной политики Временного правительства отчасти компенсировались ее достоинствами, воплотившимися в ставке на кооперацию. В России переживала подъем народная хозяйственная самодеятельность в виде развитой системы кооперативов и их объединений. Последние представляли самую массовую общественную организацию, которой и было отдано абсолютное предпочтение в заготовке монополизированного продовольствия [Сборник... 1917, с. III, 16; Резолюции... 1917, с. 9]. В соответствии с “Положением о кооперативных товариществах и союзах”, изданным Временным правительством 20 марта 1917 г., ликвидировались все преграды на пути создания обществ, товариществ и их объединений

[Фарутин 1970, с. 84]. В ходе и после революционных февральско-мартовских событий лидеры кооперации единогласно и безоговорочно поддержали новые власти [Катков 1984, с. 356, 357]. Авторитетные представители “самопомощи” вошли в состав Министерства земледелия, возглавляемого А. Шингаревым. В частности, председатель Центрального кооперативного комитета В. Зельгейм был назначен товарищем министра земледелия. Вновь образованное Министерство продовольствия почти целиком формировалось из кооператоров [Зельгейм 1917, с. 7; Хейсин 1918, с. 128].

Состоявшийся 25 марта 1917 г. Всероссийский съезд кооперативных объединений, на котором присутствовали 600 делегатов от 250 союзов, провозгласил отказ от “исторического” принципа кооперации — ее политической нейтральности и независимости. Делегаты пообещали выполнить задания по заготовке и распределению продуктов питания. В этих целях был создан руководящий орган — Совет всероссийских кооперативных съездов во главе с будущим министром продовольствия С. Прокоповичем [Резолюции... 1917, с. 12]. Член этой организации А. Беркенгейм в августе революционного года заявил: “Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле. И скромно, без единого слова отступая на политической арене, принялись мы за это дело... Мы готовы на все жертвы” [Государственное... 1930, с. 297, 298]. Свою миссию в 1917 г. деятели кооперации рассматривали как жертву на алтарь революции.

С апреля 1917 г. кооператоры с головой окунулись в практическую работу. Они вошли в состав губернских продовольственных комитетов и взяли на себя закупки, хранение, транспортировку и распределение провизии [Лейберов, Рудаченко 1990, с. 314, 315; Зельгейм 1917, с. 14]. Кооперация предоставила в распоряжение государства ссыпные пункты, элеваторы, обозы, транспорт, конторы, торговые представительства. В стране насчитывалось почти 60 тыс. потребительских, сельскохозяйственных, кредитных, маслодельных и прочих обществ и товариществ, объединивших 20 млн членов [Год русской революции 1918, с. 225]. Быстро налаживалось так называемое собственное производство. По относившимся к началу 1918 г. данным Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) именно в 1917 г. организовалось большинство кооперативных мельниц, пекарен, кузниц, а также предприятий — мыловаренных, маслособойных, кожаных, обувных, кондитерских, колбасных. Осуществлялся процесс консолидации кооперативных усилий: к октябрю 1917 г. в стране имелось 612 союзных объединений (их количество к 1917 г. было в 2,5 раза меньше, а в 1914 г. исчислялось единицами), в том числе самое крупное и богатое — Центросоюз.

В революционном году сохранялись рыночные методы регулирования продовольственного дела. В некоторых регионах удалось наладить его оперативное финансирование, которое в немалой мере обеспечивал Московский народный банк — центр кредитной кооперации. В 1917 г. банк стал одним из крупнейших учреждений в России и располагал пятнадцатью отделениями в разных регионах — вместо двух в 1916 г. [Фроммет 1918, с. 94; Соглашение... 1917, с. 42]. О месте кооперации в товарно-распределительной системе дает представление такой факт: в Петрограде в июне 1917 г. кооперативы продали по государственным твердым ценам 40 тыс. пудов сахара, что составило более половины всех закупок этого сладкого товара жителями столицы [Фроммет 1918, с. 98; Днепровский 1968, с. 293; Ленинградская... 1928, с. 194].

Кооперация добилась значительных успехов в налаживании закупок провизии у помещиков и крестьян. Хлебозаготовки 1917 г. дали 360 млн пудов зерна. Это не так уж и мало: за последние восемь месяцев существования царской власти было заготовлено всего на пять млн пудов больше [Волобуев 1962, с. 442]. Что касается продовольственной монополии, то — по мнению известного в революционный период экономиста М. Смита — она превращается в экономический абсурд, после того как количество нелегально продаваемых товаров превышает объем легальных [Смит 1918, с. 47]. До этого в 1917 г. было очень далеко, но это же станет реальностью в первые советские годы. Приведу выразительный факт: большевистский Наркомпрод в 1918 г. ценой невероятных жертв заготовил зерна (по явно завышенным данным Ленина) в семь раз меньше Временного

правительства; причем надо учитывать, что основная масса населения бывшей Российской империи проживала в центре страны — на советской территории [*Ленин* т. 39, с. 275].

В 1917 г. голод не стал атрибутом российской повседневности. К паническим заявлениям очевидцев во многих случаях стоит отнестись критически. Перебои в поставках провизии обманчиво представлялись в виде массового явления. Вообще, людям присуще стремление абсолютизировать первые проявления любого социального зла. Если бы они предвидели, какие ужасы их ждут в 1918 г., то выражались бы сдержаннее и не поддавались панике.

Между тем продовольственное дело относится к числу сложнейших. Оно не ограничивалось налаживанием закупок провизии у помещиков и крестьян. Нужно было договориться о подвозе зерна в неиспорченном состоянии на станцию, складировать его во временно освободившемся элеваторе, соблюсти график прибытия вагонов, вовремя загрузить их, не допустить порчи товара дождем, охранять, перерабатывать и распределить продукцию. Энтузиазм и профессионализм многочисленных сотрудников товариществ и обществ, их объединений далеко не всегда могли заменить недостаточные материальные ресурсы и организационные возможности, отрегулировать работу транспорта. Требовалась сильная и рационально организованная власть. Ей следовало навести порядок на железных дорогах, а также мобилизовать все лояльные общественные силы, включая частный капитал. К этому кооператоры стали настоятельно призывать правительство в середине августа на московском Государственном совещании, а также на проходившем в Москве 14—22 сентября Демократическом совещании [*Государственное... 1930*, с. 298—300; *Фарутин* 1970, с. 163].

Нельзя сказать, что средний бизнес не принимал участия в продовольственном деле. Предприниматели рассылали по базарам своих эмиссаров, которые, не смущаясь ценами выше монопольных, скупали оптом продовольствие. Затем агенты частных фирм договаривались о транспортировке одного-двух вагонов провизии. Впрочем, “вагонники” действовали полулегально и радикально изменить положение на хлебном рынке не могли [*Мешочники* 1917].

Мешочничество

Временные перебои с поставками продовольствия, очереди (“хвосты”) и прежде всего непривычный для россиян дефицит отдельных видов продуктов — подобные явления от месяца к месяцу наблюдались все чаще. В итоге у кооперации и предпринимателей появился мощный конкурент — мешочничество. До конца 1917 г. причиной его распространения стал не голод, а порожденная хлебной монополией нехватка мучных лакомств. Не случайно нелегальное снабжение широко распространялось с мая 1917 г. Именно тогда Центральный продовольственный комитет последовал примеру французских революционеров конца XVIII в. с их “хлебом равенства”. В результате было указано запретить выпечку и продажу белого хлеба, булок и печенья в целях экономии масла и сахара. После этого в крупные города из поволжских губерний повезли ставшие дефицитными и потому желанными для населения продукты. Председатель нижегородской комиссии по передвижению войск В. Матрони в июне 1917 г. отметил в своем отчете: “Ежедневно на всех судах массовый привоз муки, булок и баранок с Низовья”. Он давал следующую оценку ситуации: “Прорыв хлеба по всему фронту явление естественное” [*Спекуляция... 1917*, с. 11]. Матрони обращал внимание на “массовый характер” перевозок мешочниками (их тогда называли “ходоками”) пшеничного хлеба. По его словам, пассажиры, у которых обнаруживали по 10—12 пудов белого хлеба и баранок, в свое оправдание заявляли, что “они везут ... для себя”. На деле среди ходоков летом 1917 г. преобладали спекулянты, перевозившие съестные припасы в целях перепродажи. Таких дельцов, профессиональным занятием которых стали регулярные и частые “челночные” поездки за хлебом в вагонах и на пароходах, было не очень много.

Вместе с тем со временем мешочничество стало превращаться в массовое движение. На рубеже лета — осени 1917 г. продовольственная система начала быстро разрушаться.

Как представляется, после корниловского мятежа простыми людьми острее начало осознаваться нарастание политического кризиса, распространялись апокалиптические настроения. Утрата веры в будущее, страх перед ним, распространение слухов о приближении голода — все это заставляло граждан приступить к поиску и накоплению продовольствия. Люди, отправлявшиеся в хлебные районы с парой мешков за хлебом для себя и своей семьи, получили название “потребителей”. При рассмотрении причин роста мешочничества на состоявшемся в ноябре 1917 г. Всероссийском продовольственном совещании голоду отводилось последнее место, а на одно из первых мест ставилась тяга многих россиян к обеспечению “сытости в будущем” [Всероссийский... 1918, с. 23]. Потребительское мешочничество становилось характерной чертой образа жизни многих и многих россиян. “Все едут”, — объясняли они мотивы, заставлявшие их пускаться в путь. В обществе распространялись спекулятивные общественные настроения. Вот что писал посетивший Москву 27 сентября 1917 г. житель Нижнего Новгорода Е. Дунаев: “Такое впечатление, будто Москва горит, на всех вокзалах толпы людей с корзинками, чемоданами, узлами”. Очевидец отмечал, что все эти люди везли с собой преимущественно “спекулятивную мануфактуру”, закупленную на московских рынках для обмена на деревенский хлеб [Губернский... 1917, с. 8].

Тем не менее в рассматриваемых массовых и стихийных процессах прослеживается и позитивный момент. Он таков: активная часть населения в 1917 г. отдавала свои силы и время самоснабжению, и ей было не до увлечения революционными (в том числе большевистскими) идеями. В переломный период будущее целиком зависело от политиков и могло приобрести самые разные очертания. Народ же принялся запасаться продуктами, не очень-то обращая внимания на твердые цены, являвшиеся основой хлебной монополии. При этом верховная власть, то и дело выступавшая с невыполнимыми обещаниями покончить с рыночной нелегальщиной, теряла авторитет. В утрате ею сакрального смысла и престижа в глазах российского народа обнаруживается основное негативное последствие в целом нерыночной политики, а вовсе не в голоде. Мешочничество как основное выражение нелегального рынка легитимировалось, поскольку ослабевало чувство уважения к власти и ее законам.

Солдатская коммерция

Массовое участие гражданского населения в “теневой” экономической деятельности в 1917 г. исследовалось в научной литературе [Давыдов 2002, с. 14–57; Давыдов 2007, с. 29–72]. Однако почти не рассматривалась проблема солдатской коммерции. Об этом явлении современные исследователи (прежде всего — С. Базанов) неоднократно упоминали. Между тем, насколько мне известно, темой специального исследования коммерция в армии еще не становилась. Актуальность ее весьма велика, поскольку революции 1917 г. были солдатскими. Широкое распространение мешочничества среди гражданских лиц содействовало приобщению военнослужащих к нелегальному рынку.

Сразу стоит обратить внимание на то, что интерес солдат к разнообразным видам торговли в большинстве случаев не стал результатом развала армейского снабжения. Материальные лишения фронтовиков — по крайней мере, до середины осени 1917 г. — были реальностью (прежде всего, не хватало обуви и гимнастерок), но в целом представляются преувеличенными. Оказывается, с информированием власти о положении дел в армии — впрочем, как и в других сферах, — дело обстояло из рук вон плохо. Например, в 1917 г. один департамент военного ведомства докладывал Верховному главнокомандующему о наличии в войсках внутренних округов 220 тыс. солдат, а другой — 1,8 млн, даже данные о численности действующей армии отличались в полтора раза (6,8 млн и 9,6 млн.) [Френкин 1982, с. 5]. Думается, руководство имело лишь самое общее и смутное представление о снабжении войск, в основном опирающееся на сетования солдат и военных снабженцев.

В этой связи сошлюсь на выразительный факт, приведенный в обстоятельном дневнике командующего корпусом Северного фронта генерала А. Будберга. Вот что он

слышал во время встреч с представителями солдатских комитетов: “Жалобы раздавались самые слезливые: и устали мы, и рядов в ротах мало, и босые все, и от голода пухнем”. Эти lamentации Будберг комментировал следующим образом: “... одним словом, привычные завывания русского попрошайки, когда он хочет выпросить побольше”. И далее: “Я по пунктам разбивал все жалобы: заставил сознаться, что ни босых, ни голодных нет, да и быть не может”. Большинство солдат соглашалось со своим генералом, “смолкало и исчезало в толпе” [Будберг 2016, с. 21]. При этом автор в разных местах дневника указывал на распространение на фронте солдатской торговли и на свои тщетные попытки ее пресечь.

Коммерческая деятельность армейцев оказалась напрямую связанной с оригинальным явлением периода Первой мировой войны — массовыми братаниями на фронте. Она возникла вместе с ними и, в конечном счете, стала их производной функцией. В советское время проблема братаний изучаться не могла, поскольку тут Ленин окончательно и бесповоротно расставил все акценты по своим местам. В статье “Значение братания” он восторженно охарактеризовал рассматриваемое явление, заявив, что оно “есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов” [Ленин т. 31, с. 461].

На деле братания представляли собой яркие проявления нарастания анархии и деморализации. Весной 1917 г. они были эпизодическим явлением [Войсковые... 1982, с. 68]. Зато летом (после провала июньско-июльского наступления) и — главным образом — осенью толпы русских солдат стали выходить на нейтральную полосу для общения с солдатами противника [Базанов 2012, с. 68]. Большинство военнослужащих маршевых рот осенью заявляло, что “идут на фронт для братания и дружеских встреч с противником” [Френкин 1978, с. 510]. Что же так привлекало солдат в этих братаниях и — главный вопрос — чем же на протяжении многих часов были заняты люди, не понимавшие языка друг друга? Неужели, следуя совету Ленина, они посвящали эти часы совместному обсуждению на каком-то интернациональном языке “программы рабочих революций во всех странах”?

Здравый смысл подсказывает, что дело обстоит иначе. Дадим слово главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Деникину, который так описал типичную для середины июля 1917 г. сцену из армейской жизни: “На зеленом поле, между проволочными заграждениями шел настоящий базар. Группы немецких и наших солдат обменивались друг у друга водку, табак, сало, хлеб” [Деникин 1991, с. 346–347]. Оказывается, совместно проводимое неприятелями время было посвящено по-настоящему важному и интересному для вчерашних крестьян занятию — товарообмену. Последний нередко был настолько выгоден его российским участникам, что они в ряде случаев предпочли возвращению к семьям это прибыльное занятие и отказывались от права демобилизоваться и вернуться в свои деревни — к тяжелому сельскохозяйственному труду.

Солдаты неплохо заработали, продавая германцам провиант. Немцы очень интересовались приобретением хлеба и сахара; нравились им русские папки. Военнослужащие российской армии продавали противнику амуницию из расхищаемых интендантских складов, заявляя при этом, что без обмундирования воевать нельзя и потому скоро наступит мир. В обмен немцы и австрийцы отдавали деньги, модные товары, галантерею, сигареты, шоколад, кофе, австрийские желтые ботинки, бритвы, складные ножи [Будберг 2016, с. 52; Антивоенные... 2010, с. 12, 113, 252]. Русские покупали понравившийся им немецкий коньяк, который зачастую тут же, на нейтральной полосе, и распивался [Базанов, Пронин 1997^а, с. 41]. Выразительная характеристика этого явления дана в протоколе военно-революционного комитета 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 8-й армии Румынского фронта (ноябрь 1917 г.): “Просить военно-революционные комитеты разъяснить товарищам солдатам и офицерам совершенную недопустимость злоупотребления спиртными напитками, получаемыми от противника” [Базанов, Пронин 1997^б, с. 54].

Торговые отношения между неприятелями настолько рутинизировались, что между окопными линиями стали сооружать (по свидетельству генерала Деникина) “почтовые

ящики”, в которых по утрам оставлялись “предложения товарообмена” [Деникин 1991, с. 346]. Причем указанный товарообмен на нейтральной полосе нередко напоминал торговый процесс на праздничных ярмарках. В протоколе заседания одного полкового комитета Юго-Западного фронта читаем: “Завязалась меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздается музыка” [Деникин 1991, с. 346]. В отправленном 2 октября донесении командира 6-го армейского корпуса того же фронта генерала А. Грекова отмечалось, что на нейтральной полосе между окопами подвыпившие солдаты противников плясали под балалайки и гармоники [Антивоенные... 2010, с. 250].

В нижегородском продовольственном бюллетене мне удалось отыскать интереснейший документ, всесторонне раскрывающий механизм фронтового товарообмена. В нем публиковался доклад интендантства Северного фронта, направленный в ноябре 1917 г. в Ставку Верховного главнокомандующего. В документе указываются местности, в которых на протяжении целых верст между “своими” и “чужими” окопами сооружены “форменные рынки с ларьками”. Днем и ночью велась оживленная меновая торговля. Немцы покупали продукты питания. Из тыловых интендантских складов солдаты переправляли к передовым позициям подводы с продовольствием. Показательно, что начальники интендантства понимали бесполезность требований прекращения этой торговли и предлагали всего-навсего “обратиться к противнику ввести торг в надлежащие рамки” [Немецкие... 1917, с. 7]. Наверняка торжище стало привычным атрибутом окопной жизни задолго до появления этого доклада.

Сошлюсь на еще один впечатляющий факт. 5 декабря войсковой комитет Торжокско-го полка Северного фронта, представлявший тогда полновластную структуру, в особом воззвании официально разрешил солдатский товарообмен на обозначенных белыми флагами участках нейтральной полосы [Войсковые... 1982, с. 459]. Как видим, армейская власть в последние месяцы революционного года уже официально признавала осуществлявшуюся окопниками куплю-продажу неотъемлемой и естественной частью фронтовой действительности. Причем в первые месяцы советской власти процесс стремительно развивался по нарастающей линии. “Братание превратилось в бойкую торговлю”, — констатировал в январе 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Бонч-Бруевич (цит. по [Базанов 2012, с. 68–69]).

Братания и фронтовой товарообмен представляли собой единое и внутренне связанное явление. Именно поэтому данные процессы стали важнейшим фактором окончательной дезорганизации армейского порядка в войсках противников. Сформулированное еще в 1920-е гг. Деникиным утверждение о том, что братания главным образом использовались германским руководством в целях разложения русской армии [Деникин 1991, с. 320, 329] справедливо лишь отчасти. На первых порах так и было. Но со временем и австро-германские подразделения сами подверглись деморализации. Не случайно осенью 1917 г. противник старался (далеко не всегда удачно) отправлять к русским для братания офицеров и унтер-офицеров; при этом прекратить братания уже было невозможно, ибо они предполагались подписанными между отдельными дивизиями “локальными” договорами о перемирии. Остановить радикально ускоренное процессом фронтовой купли-продажи разложение своих войск германские и австрийские командиры оказались не в состоянии. Стоит согласиться с утверждением Н. Быстровой о том, что “именно войсковые части, привезенные из России, внесли первые семена разложения в германские армии на Западе” [Быстрова 2016, с. 89]. Разложило же их русское мешочничество.

Между тем фронтовой торговлей солдатская коммерция отнюдь не ограничивалась. По свидетельству очевидцев, улицы Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, других городов были полны солдатами, выгодно продававшими вымененные у немцев вещи (“модные товары”), а также похищенные из армейских хранилищ продукты и обмундирование [Будберг 2016, с. 52; Антивоенные... 2010, с. 140]. Выразительно, что 14 июля 1917 г. главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П. Половцов издал обязательное постановление, в котором под страхом наказания запрещалось жителю “скупать” у солдат съестные припасы, обмундирование и снаряжение [Обязательное... 1917].

Тот же Половцов в своих воспоминаниях сообщал о распространении коммерческих занятий среди находившихся в Петрограде солдат. Ссылаясь на данные военной цензуры, генерал указывал, что в среднем военнослужащий зарабатывал таким образом по 10–30 рублей в день (это зарплата квалифицированного рабочего) [Половцов 1999, с. 78, 91].

Кроме того, по мере накопления “первоначального капитала” солдаты все чаще обращались к очень прибыльной осенью 1917 г. поставке хлеба (иногда – самогона) из деревень в города. К этому времени стала разрушаться сложная продовольственная организация. Недостаток дефицитной провизии восполнялся усилиями в том числе и мешочников – солдат. Им не составляло труда получить отпускные документы и командировочные удостоверения от своих комитетов для поездок в сельскую местность. Отправляясь в деревни за хлебом, они не считались с твердыми ценами. Местные продовольственные органы в большинстве случаев опасались призвать их к порядку, ибо было известно: обидишь солдата, на его защиту явится взвод, а то и рота. Когда же агенты государства пытались остановить мешочников, то солдаты блокировали помещения продовольственных управ и угрожали: “Возьмем на штыки” [Среди печати 1918, с. 10, 11].

Министр продовольствия Временного правительства С. Прокопович, выступая 16 октября 1917 г. на заседании Предпарламента, констатировал нарастание масштабов мешочничества военнослужащих. Он рассказывал о том, как люди в серых шинелях с отпускными солдатскими билетами систематически отправлялись в хлебные районы для закупок продовольствия якобы для нужд армии и, захватывая вагонные купе, снабжали им города [Речь... 1957, с. 367]. Отпускники примерно раз в неделю предпринимали мешочнические экспедиции; нередко их сопровождали жены и дети – вместе можно было больше привезти товара. При этом наряду с индивидуальным мешочничеством распространилось так называемое солдатское “ходачество”. Подразделения посылали своих делегатов в хлебные губернии, обеспечивали их документами, деньгами из касс воинских частей. Иногда каждому “ходоку” выдавали по несколько сотен патронов для реализации на рынке.

Закупленную и вымененную в тылу провизию солдаты доставляли в свои гарнизоны, а затем часть ее продавали на городских базарах [Войсковые... 1982, с. 459; Борьба... 1917, с. 8]. К концу революционного года все большее место в гешефтмахерстве военнослужащих стала занимать продажа приобретенных у крестьян или изготовленных самими солдатами партий самогона [Письма... 1998, с. 13]. Газета “Питер”, подводя итоги функционирования городских рынков на протяжении нескольких месяцев, 15 декабря 1917 г. писала: «Базарные торговцы, арендующие у города за бешеные цены на площадях столицы места под торговлю, хотя уже прикрывать лавочки из-за невозможности конкурировать с “товарищами” в серых шинелях, торгующими беспощинно» [Петроград... 2000, с. 195].

Как видим, в последние месяцы революционного года страну охватила спекулятивная горячка, которую следует рассматривать как одну из форм национального психоза. Формы ее проявления отличались разнородностью. Солдатская коммерция в ряде случаев представляла в неприглядном виде. Солдаты приторговывали оружием. Известно, что они сбывали винтовки, патроны и пулеметы Красной гвардии – создаваемыми большевиками для захвата власти военизированным подразделениям, в которые вербовались в первую очередь безработные. Будберг упоминает о продаже русскими военнослужащими артиллерийских орудий немцам [Френкин 1982, с. 271–272; Будберг 2016, с. 123].

Нелегальное снабжение стало не просто широко распространенным, оно превратилось в профессию значительной части солдат. Военнослужащие были сплочены и вооружены, не считались ни с какими властями [Совещание... 1917, с. 13]. Армия становилась носительницей разрушительных начал в общественной жизни. Мешочничество солдат усугубило дезорганизацию на железных дорогах, на водном транспорте. Наряду с этим, мешочничество было своеобразным субститутом неупорядоченному хаосу. Оно содействовало отвлечению “серошинельных” толп от массового участия в анархических акциях и при этом уже в последние месяцы 1917 г. стало каналом обеспечения провизией

некоторых городов и сел хлебопотребляющей полосы. Не случайно некоторые современники описываемых событий настаивали на том, что голод был предотвращен “спекулирующими солдатами, обратившими мешочничество в особого рода промысел”; они указывали на “громадную пользу” коммерческой деятельности нижних чинов [Среди печати 1918, с. 10].

* * *

Таким образом, в 1917 г. в полной мере проявил себя “кумулятивный эффект” синергетического соединения ряда факторов. Противоречивая и разнонаправленная экономическая политика власти имела следствием вовлечение в легальную и нелегальную торговлю большой и постоянно расширявшейся доли населения. При этом речь идет об активной и способной лидировать части россиян: о деятелях и сотрудниках кооперации, а также о разного рода мешочниках. Последние относились к разряду рискованных и энергичных граждан, решившихся по собственной воле взяться за тяжелое в экстремальной обстановке дело самоснабжения или спекуляции.

Несмотря на наличие конфликтной социальной структуры, существовало объединяющее начало – нелегальный рынок, всеобщее увлечение самоснабжением или наживой. Кроме того, стоит учесть, что немалая часть отечественного населения посвящала себя стоянию в “хвостовых” очередях и поиску денег и товаров для приобретения у мешочников продуктов. Всем этим людям было не до революции. Между распространением нелегального рынка и кооперативной предприимчивости, с одной стороны, и снижением революционной инициативности населения – с другой, обнаруживается прямая взаимосвязь. Конечно, часть россиян продолжала оставаться нигилистически настроенной, но ее анархическая боевитость не могла не ослабевать при условии получения народом от власти посланий, ориентировавших на успокоение.

Тривиализация истории 1917 г. состоит в том, что она от начала до конца определялась небольшими группами малопрофессиональных и амбициозных политиков. Последние оказались немногочисленными игроками на политическом поле, с которого, в силу указанных в этой статье обстоятельств, народ ушел по собственной воле. В этой связи видный кадет А. Изгоев, рассуждая об Октябрьском мятеже в Петрограде, заметил: «Обстрел Зимнего дворца с “Авроры”, заседание городской Думы, попытка гласных ночью двинуться ко Дворцу (к Зимнему на защиту Временного правительства. – А.Д.) – все это задевало очень тесный круг людей» [Изгоев 2017, с. 430]. Ситуация 1917 г. характеризовалась крайней стохастичностью. Поразительно, например, что штаб Петроградского военного округа был захвачен большевистской группой всего в 50 человек [Френкин 1982, с. 288]. Конечно, этого бы не произошло, во-первых, в случае принятия Временным правительством своевременного и твердого решения о нейтрализации на законном основании большевиков, проводивших по сути изменническую политику в воюющей стране; во-вторых, при условии создания эсеро-меньшевистскими деятелями партийных военнизированных формирований наподобие Красной гвардии (как делали большевики). Несколько правильных решений изменили бы судьбу страны. Между тем победила леворадикальная группа, которая попросту состояла из более умелых организаторов и заговорщиков, настроенных более цинично и нацеленных на перманентное обострение социальных конфликтов.

В заключение выдвину предположение о том, что по форме и отчасти по содержанию ситуация (в других, мирных, условиях) повторилась в отечественный постперестроечный период. Введенная в 1992 г. свобода торговли вовлекла в “челночный” бизнес десятки миллионов активных граждан; опять небольшие группы руководителей получили карт-бланш на выбор путей развития [Изучение... 2009, с. 10]. Содержащийся в статье фактический материал разочаровывает в возможностях народа прямо влиять на политику, но и вселяет оптимизм: не все зависит от неизменяемых традиций, исторически сложившихся обстоятельств, географических условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) (2010) М.: Институт российской истории РАН.
- Базанов С.Н. (2012) От революционного патриотизма к полной утрате боеспособности (солдатские массы в марте-ноябре 1917 г.) // Власть и общество в истории России. М.: АИРО-XXI. С. 63–72.
- Базанов С.Н., Пронин А.В. (1997^a) Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. № 1. С. 34–41.
- Базанов С.Н., Пронин А.В. (1997^b) Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. № 3. С. 50–58.
- Борьба со спекуляцией (солдаты продают) (1917) // Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. № 25. С. 8.
- Будберг А.П. (2016) Дневник. 1917–1919. М.: Захаров.
- Быстрова Н.Е. “Русский вопрос” в 1917–начале 1920 г. Советская Россия и великие державы (2016) М.: Институт российской истории РАН.
- Войсковые комитеты действующей армии. Май 1917 г. – март 1918 г. (1982) М.: Наука.
- Волобуев П.В. (1962) Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18–24 ноября 1917 г.: Стенографический отчет (1918) М.: Всероссийский Совет продовольственных съездов.
- Вышинский А. (1923) Продовольственная проблема в эпоху Великой Французской революции // Продовольствие и революция. № 5–6. С. 169–170.
- Год русской революции (1918) М.: Земля и воля.
- Государственное совещание: стенографический отчет (1930). М.; Л.: Государственное издательство.
- Губернский продовольственный комитет (заседание 27 сентября) (1917) // Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. № 17. С. 8.
- Давыдов А.Ю. (2007) Мешочничество и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб.: Алетейя.
- Давыдов А.Ю. (2002) Нелегальное снабжение российского населения и власть. Мешочники. 1917–1921 гг. СПб.: Наука.
- Деникин А.И. (1991) Очерки русской смуты: В 5 т. Т. I. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. М.: Наука.
- Деньги для расплаты за хлеб (1917) // Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. № 16–17. С. 7–8.
- Днепровский С.П. (1968) Кооператоры. 1898–1968. М.: Экономика.
- Зельгейм В.Н. (1917) Участие кооперативных организаций в продовольственном деле: Доклад, читанный на Всероссийском кооперативном съезде 24–27 марта 1917 г. М.: Совет всероссийских кооперативных съездов.
- Изгоев А.С. (2017) Рожденное в революционной смуте. М.: Дело.
- Изучение особенностей и истории теневой экономики в России как профилактический способ борьбы с ней (2009). Тула: Тульский полиграфист.
- Катков Г.М. (1984) Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS.
- Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. (1990) Революция и хлеб. М.: Мысль.
- Ленин В. И. Значение братанья // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат. С. 459–461.
- Ленин В.И. (1970) Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Политиздат. С. 271–282.
- Ленинградская кооперация за 10 лет (1928) Л.: ЛСПО.
- Мешочники (1917) // Известия Казанского губернского продовольственного комитета. № 9–10. С. 13.
- Немецкие товары в России (вести торг в рамки) (1917) // Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. № 29. С. 7.
- Обязательное постановление. Воспрещается: Скупать у солдат... (1917) [Листовка]. Петроград: Городская типография.
- Павлюченков С.А. (1996) Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. М.: Русское книгоиздательское товарищество.
- Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны (2000) СПб.: Дмитрий Буланин.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям (1998) М.: РОССПЭН.

Половцов П. А. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году) (1999). М.: ГПИБ.

Резолюции, принятые на Первом Всероссийском съезде представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов в Москве. 25–28 марта 1917 г. (1917). М.: Типография Ш. И. Бокштейна.

Речь министра продовольствия С. Н. Прокоповича на заседании Временного Совета республики об общем продовольственном положении в стране. 16 октября 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: В 2 ч. (1957). Ч. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 353–369.

Сборник постановлений Временного правительства по кооперации (1917). М.: Совет всероссийских кооперативных съездов.

Смит М. Н. (1918) Экономические предпосылки фиксации цен // Экономика и политика твердых цен: М.: Редакционно-издательский отдел ВСНХ. С. 33–41.

Совещание о спасении фронта и столиц от голода (мешочники, одетые в серые шинели) (1917) // Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. № 16–17. С. 13.

Соглашение Народного банка с Министерством продовольствия (1917) // Петроградский кооператор. № 25–29. С. 42.

Спекуляция с хлебом (1917) // Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. № 2. С. 11.

Среди печати (1918) // Продовольственное дело. № 1. С. 10–11.

Суханов Н. Н. (1991) Записки о революции: В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат; Республика.

Троцкий Л. Д. (1997) История русской революции: В 2 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Терра.

Фарутин И. А. (1970) Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского государственного университета. Вып. 4. Общественные науки. Калининград: Калининградская правда. С. 60–176.

Френкин М. (1978) Русская армия и революция. München: Logos.

Френкин М. (1982) Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. Иерусалим: Став.

Фроммет Б. (1918) 25 февраля 1917 г.– 1 января 1918 г. // Вестник кооперации. № 1–2. С. 82–101.

Хейсин М. Л. (1918) Исторический очерк кооперации в России. Петроград: Кооперация.

The legal and illegal markets in Russia in 1917: their interaction and role in the revolutionary process

A. DAVYDOV*

*Davydov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of A. I. Herzen Russian History of the Russian State Pedagogical University. Address: bld. 48, Embankment of the Moika River, St. Petersburg, 191186. E-mail: davydov.au@mail.ru

Abstract

The article examines the economic and political factors on the Russian revolutionary situation of 1917. The author tries to find out that the economic activities of the Provisional Government contributed to the expansion of the involvement of the Russian population in the national economy. The focus is on mechanisms of cooperation, illegal bagging and soldier commerce. They absorbed people's energy and helped to defuse public sentiments, leaving politicians without mass support. Thus, a non-Bolshevik variant of the development of the revolution became possible. However, the political parties' constant awakening of the radical leftist sentiments of the society and the lack of opposition on the part of the authorities contributed to fueling the discontent of the population and led to the October Revolution.

Keywords: Great Russian Revolution, cooperation, sacking, illegal supply, army, soldier commerce, public moods.

REFERENCES

- Antivoennye vystuplenija na russkom fronte v 1917 godu glazami sovremennikov (vospominanija, dokumenty, kommentarii)* (2010) [Antiwar actions on the Russian front in 1917 through the eyes of contemporaries (memoirs, documents, comments)]. Moscow: RAS Institute for Russian History.
- Bazanov S.N. (2012) Ot revoljucionnogo patriotizma k polnoj utrate boespodobnosti (soldatskie massy v marte-noyabre 1917 g.) [From revolutionary patriotism to total loss of combat capability (soldier masses in March–November 1917)]. *Vlast' i obščestvo v istorii Rossii. Sb. st.* [Power and Society in the History of Russia. Collected essays.]. Moscow: AIRO-XXI, pp. 63–72.
- Bazanov S.N., Pronin A.V. (1997^a) Bumerang bratanija [Boomerang fraternization]. *Voenno-istoričeskij žurnal* [The Military History Journal], no. 1, pp. 34–41.
- Bazanov S.N., Pronin A.V. (1997^b) Bumerang bratanija [Boomerang fraternization]. *Voenno-istoričeskij žurnal* [The Military History Journal], no. 3, pp. 50–58.
- Bor'ba so spekuljaciej (soldaty prodajut) (1917) [Struggle against speculation (sold by soldiers)]. *Prodovol'stvie. Organ Nizhegorodskoj gubernskoj prodovol'stvennoj upravly* [Food. The paper of the Nizhny Novgorod Provincial Food Administration.], no. 25, p. 8.
- Budberg A.P. (2016) *Dnevnik. 1917–1919* [The Diary. 1917–1919]. Moscow: Zakharov.
- Bystrova N.E. “Russkij vopros” v 1917 – nachale 1920 g. *Sovetskaja Rossija i velikie deržavy* (2016) [“The Russian Question” in 1917 – early 1920. Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: RAS Institute for Russian History.
- Davydov A. Ju. (2007) *Meshochničestvo i diktatura v Rossii. 1917–1921 gg.* [Sacking and Dictatorship in Russia. 1917–1921]. St. Petersburg: Aleteiya.
- Davydov A. Ju. (2002) *Nelegal'noe snabženie rossijskogo naselenija i vlast'. Meshochniki. 1917–1921 gg.* [Illegal supply of the Russian population and power]. St. Petersburg: Nauka.
- Den'gi dlja rasplaty za hleb (1917) [Money to pay for bread]. *Izvestija Ufimskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [Ufa province food committee Herald], no. 16–17, p. 7–8.
- Denikin A.I. (1991) *Očerki russkoj smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'–sentyabr' 1917 g.* [Essays on the Russian Time of Troubles. 5 vols. Vol. I. The collapse of power and the army, February–September 1917]. Moscow: Nauka.
- Dneprovskij S.P. (1968) *Kooperatory. 1898–1968* [Co-operators. 1898–1968]. Moscow: Ekonomika.
- Farutin I.A. (1970) Harakter i osobennosti kooperativnogo dvizhenija v dorevoljucionnoj Rossii [The nature and characteristics of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia]. *Učenyje zapiski Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 4. Obščestvennye nauki* [Scientific notes by the Kaliningrad state university. Issue. 4. Social sciences]. Kaliningrad: Kaliningradskaja pravda, p. 60–176.
- Frenkin M. (1978) *Russkaja armija i revoljucija* [The Russian Army and the Revolution]. München: Logos.
- Frenkin M. (1982) *Zahvat vlasti bol'shevikami v Rossii i rol' tylovyh garnizonov. Podgotovka i provedenie oktjabr'skogo mjatezha* [The seizure of power by the Bolsheviks in Russia and the role of the rear garrisons. Preparation and conduct of the October mutiny]. Ierusalim: Stav.
- Frommet B. (1918) 25 fevralja 1917 g. – 1 yanvarja 1918 g. [February 25, 1917 – January 1, 1918]. *Vestnik kooperatsii* [Bulletin of Cooperation], no. 1–2, p. 82–101.
- God russkoj revoljucii. Sb. st.* (1918) [The Year of the Russian Revolution. Collected essays]. Moscow: Zemlja i volja.
- Gosudarstvennoe soveshhanie: stenografičeskij otčet* (1930) [State meeting: verbatim report]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Gubernskij prodovol'stvennyj komitet (zasedanie 27 sentjabrja) (1917) [Provincial Food Committee (meeting on September 27)]. *Prodovol'stvie. Organ Nizhegorodskoj gubernskoj prodovol'stvennoj upravly* [Food. The organ of the Nizhny Novgorod provincial food board], no. 17, p. 8.
- Hejsin M.L. (1918) *Istoričeskij očerk kooperacii v Rossii* [A historical sketch of cooperation in Russia]. Petrograd: Kooperatsiya.
- Izgoev A.S. (2017) *Rozhdennoe v revoljucionnoj smute* [Born in a revolutionary trouble]. Moscow: Delo.
- Izučenie osobennostej i istorii tenevoj jekonomiki v Rossii kak profilaktičeskij sposob bor'by s nej* (2009) [Study of the features and history of the shadow economy in Russia as a preventive way to combat it (2009)]. Tula: Tul'skij poligrafist.
- Katkov G.M. (1984) *Fevral'skaja revoljucija* [The February Revolution]. Paris: YMCA-PRESS.
- Lejberov I.P., Rudachenko S.D. (1990) *Revoljucija i hleb* [Revolution and bread]. Moscow: Mysl'.
- Lenin V.I. (1970) *Ekonomika i politika v epokhu diktatury proletariata* [Economics and Politics in the Age of the Dictatorship of the Proletariat]. *Poln. sobr. soch.* [Complete works. 55 vols.], vol. 39, p. 271–282. Moscow: Politizdat.
- Lenin V.I. (1974) *Znachenie bratan'ja* [The meaning of fraternization]. *Poln. sobr. soch.* [Complete works. 55 vols.], vol. 31, p. 459–461. Moscow: Politizdat.

- Leningradskaja kooperacija za 10 let* (1928) [Leningrad cooperation for 10 years]. Leningrad: LSPO.
- Meshochniki (1917) [Profiteers]. *Izvestija Kazanskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [Kazan Provincial Food Committee Herald], no. 9–10, p. 13.
- Nemeckie tovary v Rossii (vesti torg v ramki) (1917) [German goods in Russia (enter bargaining in the framework)]. *Prodovol'stvie. Organ Nizhegorodskoj gubernskoj prodovol'stvennoj upravy* [Food. The organ of the Nizhny Novgorod Provincial Food Administration], no. 29, p. 7.
- Objazatel'noe postanovlenie. Vosprehschaetsja: Skupat' u soldat...* (1917) [Listovka] [Obligatory resolution. It is forbidden: To buy from soldiers ... [Leaflet]]. Petrograd: Gorodskaja tipografija.
- Pavljuchenkov S.A. (1996) *Krest'janskij Brest ili predistorija bol'shevistskogo njepa* [Peasant Brest or the pre-history of the Bolshevik NEP]. Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarischestvo.
- Petrograd na perelome jepoh. Gorod i ego zhiteli v gody revoljucii i grazhdanskoj vojny* (2000) [Petrograd at the turn of the ages. The city and its inhabitants during the years of the revolution and civil war]. St. Petersburg.: Dmitrij Bulanin.
- Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zajavlenija, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdjam (1998) [Letters to power. 1917–1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Moscow: ROSSPEN.
- Polovtsov P.A. *Dni zatmenija (Zapiski glavnomandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga generala P.A. Polovtsova v 1917 godu)* (1999) [Days of the eclipse (Notes of the Commander-in-Chief of the troops of the Petrograd Military District, General P.A. Polovtsov in 1917)]. Moscow: State public historical library.
- Rech' ministra prodovol'stvoja S. N. Prokopovicha na zasedanii Vremennogo Soveta respubliky ob obshhem prodovol'stvennom polozenii v strane. 16 oktjabrja 1917 g. (1957) [Speech by the Minister of Food S. N. Prokopovich at the meeting of the Provisional Council of the Republic on the overall food situation in the country. October 16, 1917]. *Ekonomicheskoe polozenie Rossii nakanune Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revoljucii: Dokumenty i materialy: V 2 chastyah* [The economic situation of Russia on the eve of the Great October Socialist Revolution: Documents and materials: In 2 parts], part 2, p. 353–369. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences' Publishers.
- Rezoljucii, prinjatyje na Pervom Vserossijskom s'ezde predstavitelej kooperativnyh sojuzov, ob'edinenij i komitetov v Moskve. 25–28 marta 1917 g. (1917) [Resolutions adopted at the First All-Russian Congress of Representative Unions, Associations and Committees in Moscow. March 25–28, 1917]. Moscow: Tipografija Sh. I. Bokshtejna.
- Sbornik postanovlenij Vremennogo pravitel'stva po kooperacii (1917) [Collection of Decrees of the Provisional Government on Cooperation]. Moscow: Sovet vserossiskih kooperativnyh s'ezdov.
- Smit M.N. (1918) *Ekonomicheskie predposylki fiksacii cen* [Economic prerequisites for price fixing]. *Jekonomika i politika tverdyh cen* [Economics and policy of firm prices]. Moscow, p. 33–41.
- Soglasenie Narodnogo banka s Ministerstvom prodovol'stvoja (1917) [Agreement of the People's Bank with the Ministry of Food], *Petrogradskij kooperator* [Petrograd Cooperator], no. 25–29, p. 42.
- Soveshhanie o spasenii fronta i stolic ot goloda (meshochniki, odetye v serye shineli) (1917) [Meeting on the rescue of the front and capitals from hunger (baggies dressed in gray overcoats)]. *Izvestija Ufimskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [The Ufa provincial food committee Herald], no. 16–17, p. 13.
- Spekuljacija s hlebom (1917) [Speculation with bread], *Prodovol'stvie. Organ Nizhegorodskoj gubernskoj prodovol'stvennoj upravy* [Food. The Nizhny Novgorod Provincial Food Administration newspaper], no. 2, p. 11.
- Sredi pechati (1918) [Among the press]. *Prodovol'stvennoe delo* [Food business], no. 1, p. 10–11.
- Suhanov N.N. (1991) *Zapiski o revoljucii: V 3 tt.* [Notes on the Revolution. 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat, Respublika.
- Trockij L.D. (1997) *Istorija russskoj revoljucii: V 2 tomah* [History of the Russian Revolution. 2 vols.], vol. 2. part 2. Moscow: Terra.
- Vojskovye komitety dejstvujushhej armii. May 1917 g. – mart 1918 g.* (1982) [Military committees of the active army. May 1917 – March 1918]. Moscow: Nauka.
- Volobuev P.V. (1962) *Jekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva* [The economic policy of the Provisional Government]. Moscow: USSR Academy of Sciences' Publishers.
- Vserossijskij prodovol'stvennyj s'ezd v Moskve 18–24 noyabrja 1917 g.: Stenogr. otchet* (1918) [All-Russian Food Congress in Moscow on November 18–24, 1917: The verbatim report]. Moscow: All-Russia Council of Food Congresses.
- Vyshinskij A. (1923) *Prodovol'stvennaja problema v jepohu Velikoj Francuzskoj revoljucii* [Food problem in the era of the Great French Revolution]. *Prodovol'stvie i revoljucija* [Food and Revolution], no. 5–6, p. 169–170.
- Zel'gejm V.N. (1917) *Uchastie kooperativnyh organizacij v prodovol'stvennom dele: Doklad, chitannij na Vserossijskom kooperativnom s'ezde 24–27 marta 1917 g.* [Participation of cooperative organizations in food business: Report, on the All-Russia Cooperative. Congress, March 24–27, 1917.]. Moscow: Sovet vserossiyskih kooperativnyh s'ezdov.